

ВЛИЯНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ГЕОГРАФИЮ КАРМАННЫХ КРАЖ И МОШЕННИЧЕСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ТАШКЕНТА

Турсунова Сабина Равшановна

*Доцент кафедры «Обеспечения
общественной безопасности» Университета
общественной безопасности Республики Узбекистан*

ORCID: 0009-0005-0151-9204

e-mail: sabinatursunova6940@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию пространственно-временных закономерностей распределения карманных краж и мошенничеств в центральной части г. Ташкента в контексте изменения интенсивности туристических потоков. Актуальность обусловлена устойчивым ростом туристической привлекательности Узбекистана и необходимостью повышения эффективности профилактики преступлений против иностранных гостей и местных жителей в зонах концентрации объектов показа. Цель работы - выявить статистически значимые связи между плотностью туристической активности и географией имущественных преступлений, совершаемых в общественных местах. Методология основана на интеграции геокодированных данных о зарегистрированных преступлениях за период 2021–2025 гг., анонимизированных данных о пространственном распределении абонентов мобильной связи (как индикатора туристического присутствия) и сведений о расположении основных достопримечательностей.

Ключевые слова: Ташкент; туристическая активность; карманная кража; мошенничество; ГИС; пространственный анализ; горячие точки; экологическая криминология; профилактика правонарушений; машинное обучение.

Введение

Рост мобильности населения и концентрация сервисной экономики меняют пространственную структуру возможностей для имущественных преступлений. Для туристических центров особенно значимы посягательства, совершаемые в местах массового кратковременного пребывания людей: в транспортно-пересадочных узлах, на торговых и пешеходных территориях, вблизи туристических объектов, общественного питания и размещения. Высокая плотность контактов, незнакомство посетителя с городской средой, наличие переносимых ценностей и неоднородность формального и неформального

контроля создают условия, которые теория рутинной деятельности связывает с совпадением мотивированного правонарушителя, подходящей цели и отсутствия эффективного наблюдения [1].

Для Ташкента проблема приобретает особую актуальность. Столица является крупнейшим городом страны, транспортным узлом и основными международными воротами Узбекистана. По данным городского хокимията, на начало 2026 г. в Ташкенте проживало 3,178 млн человек; территория города составляла 435 км² и включала 12 административных районов [21]. Одновременно национальный въездной туризм быстро расширялся: число иностранных туристов в Узбекистане составило 6,6 млн в 2023 г., превысило 10 млн в 2024 г. и достигло 11,7 млн в 2025 г. [22]. Эти показатели относятся ко всей стране и не могут автоматически интерпретироваться как поток в Ташкент, но они подтверждают увеличение внешней мобильности, значительная часть которой проходит через столичный транспортный и гостиничный комплекс.

Официальная статистика также фиксирует высокую нагрузку на систему правопорядка столицы. В январе-июле 2026 г. в Ташкенте было зарегистрировано 16 622 преступлений, уровень составил 50 случаев на 10 тыс. населения [18]. Годовые данные показывают существенную волатильность числа краж и рост мошенничеств на национальном уровне [19; 20]. Однако агрегированные показатели не отвечают на ключевой прикладной вопрос: совпадают ли микролокации и часы повышенной туристической активности с устойчивой концентрацией карманных краж и очных мошенничеств, и сохраняется ли такая связь после учёта транспортной доступности, торговли, плотности населения, времени суток и сезонности.

Правовая специфика требует отдельной операционализации рассматриваемых деяний. Статья 169 Уголовного кодекса Республики Узбекистан регулирует кражу и выделяет хищение из одежды, сумки или иной ручной клади потерпевшего; статья 168 определяет мошенничество как завладение чужим имуществом или правом на него путём обмана либо злоупотребления доверием [16]. Пространственная привязка карманной кражи обычно относится к месту непосредственного контакта, тогда как для мошенничества место регистрации заявления, место передачи имущества, место коммуникации и место наступления ущерба могут различаться. В настоящее исследование поэтому включаются только очные, или место-обусловленные, мошенничества; дистанционные телефонные и интернет-схемы должны анализироваться отдельно.

Обзор литературы

Теория рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона объясняет преступность совпадением в пространстве и времени мотивированного

правонарушителя, подходящей цели и отсутствия эффективного контроля[1]. В туристической среде уязвимость цели может возрастать из-за наличия денежных средств и цифровых устройств, незнания языка, маршрутов и местных правил. Однако турист не является причиной преступления: теория характеризует лишь условия его совершения и не снимает ответственности с правонарушителя.

Экологическая криминология П. и П. Брантингэм связывает локализацию преступлений с узлами, маршрутами и границами повседневной активности[2]. Существенное значение имеет различие между генераторами и аттракторами преступности[3]. Вокзал или рынок может генерировать значительное число происшествий вследствие высокой посещаемости, тогда как место, известное правонарушителям как удобное для краж, становится криминальным аттрактором. Поэтому абсолютное число преступлений без учёта интенсивности потока способно создать ошибочное представление об опасности территории.

Исследования «горячих точек» подтверждают концентрацию преступности на ограниченном числе адресов и уличных сегментов[4]. Криминальное картографирование включает геокодирование, ядерную оценку плотности, анализ локальной пространственной автокорреляции и интерпретацию карт[5; 6]. При этом необходимо различать место проживания, обнаружения и совершения преступления, а также учитывать временную экспозицию населения[7].

Систематический обзор А. Браги и соавторов, охвативший 65 исследований и 78 тестов вмешательств, выявил небольшой, но статистически значимый профилактический эффект воздействия на «горячие точки»[8]. Чаще наблюдалось не перемещение преступности, а распространение положительного эффекта на соседние территории. Вместе с тем эти результаты не оправдывают механического усиления контроля: меры должны быть адресными, соразмерными и учитывать легитимность деятельности полиции.

Как показывают Х. Матакович и И. Чуняк Матакович, связь туризма с преступностью зависит от характера туристических потоков, структуры дестинации, вида преступлений, уровня урбанизации и способа оценки риска[9]. Туризм увеличивает число потенциальных целей, анонимность и нагрузку на систему контроля, но одновременно может способствовать занятости, благоустройству и повышению наблюдаемости городской среды.

Исследование Н. Мартеаче и А. Тринидада на материалах Барселоны выявило различия между кражами в отношении туристов и местных жителей: туристические эпизоды чаще были связаны с молодыми женщинами, ресторанами, барами и летним периодом[10]. Это подтверждает необходимость учитывать продолжительность пребывания туристов в конкретных местах. Для Ташкента простого сравнения числа преступлений недостаточно: требуется

расчёт человеко-часов присутствия либо использование комплексных показателей туристического потока.

Исследования Д. Монтолио и С. Планельс-Струз по Испании, а также В. Речера и И. Рубила по Хорватии показали, что влияние туризма различается по категориям преступлений и зависит от местного контекста[11; 12]. Поэтому полученные в европейских городах коэффициенты нельзя непосредственно переносить на Ташкент. Пространственно-временной анализ С. де Мело и соавторов также свидетельствует, что отдельные виды преступлений по-разному реагируют на суточные и недельные изменения активности населения[13]. Для карманных краж особенно важны кратковременные пики плотности людей, тогда как мошенничество чаще предполагает более продолжительное взаимодействие.

Дополнительным ограничением является селективность полицейской статистики. Д. Буил-Гил, А. Моретти и С. Лэнгтон установили, что особенности регистрации и различия в готовности потерпевших обращаться в полицию изменяют географическую картину преступности[14]. Туристы могут не сообщать о преступлении из-за языковых затруднений, ограниченного времени пребывания, незначительного ущерба или незнания процедуры. Поэтому большее число зарегистрированных случаев в районах с доступной туристической полицией или помощью гостиниц может отражать не только повышенный риск, но и более высокую заявляемость.

Микропространственные исследования туристической виктимизации в Ташкенте в открытом доступе практически отсутствуют. Ж. Нематов отмечает рост зарегистрированной преступности в столице с 21 728 случаев в 2023 г. до 32 106 в 2024 г., однако эти данные не раскрывают внутригородскую географию и туристический статус потерпевших[15]. Открытая статистика содержит годовые сведения о кражах, тогда как данные о мошенничестве представлены преимущественно на республиканском уровне[19; 20].

Таким образом, основной исследовательский пробел заключается в отсутствии юридически корректной и воспроизводимой адаптации методов пространственного анализа к данным Ташкента. До получения обезличенных сведений о месте, времени и обстоятельствах преступлений невозможно доказательно определить количество кластеров и статистически оценить влияние туризма. Поэтому на данном этапе обоснованными являются аудит доступной эмпирической базы и разработка методики последующего ГИС-анализа.

Методология

Отбор событий осуществляется по квалификации и фабуле. К карманным кражам относятся деяния, квалифицированные по статье 169 УК Республики

Узбекистан, если описание подтверждает изъятие имущества из одежды, сумки или ручной клади, находившейся при потерпевшем[16]. Квартирные, складские, автомобильные и другие кражи исключаются. К очным мошенничествам относятся деяния по статье 168 УК, совершённые путём обмана или злоупотребления доверием непосредственно в исследуемой локации. Дистанционные, телефонные и банковские мошенничества не учитываются, если указанное место представляет собой лишь адрес заявителя.

Ведомственная запись должна содержать идентификатор события, квалификацию деяния, дату и время, способ совершения, координаты с показателем их точности либо код территориальной ячейки, категорию места, обобщённый туристический статус потерпевшего и признак повторной регистрации. Отдельно фиксируются изменения квалификации и процессуального статуса дела.

Туристическая экспозиция оценивается без анализа индивидуальных маршрутов. Для этого используются обезличенные сведения о пассажиропотоке, почасовых входах на станции, загрузке гостиниц, посещаемости музеев и массовых мероприятий. При их отсутствии применяются косвенные показатели: плотность гостиниц, достопримечательностей, ресторанов, торговых объектов и остановок, доступность уличной сети, режим работы объектов и календарь мероприятий. Общенациональный туристический поток учитывается только как показатель временной динамики, но не как непосредственная мера нагрузки на Ташкент.

Пространственные данные приводятся к единой системе координат и проверяются на дубликаты, геометрические ошибки и соответствие границам города. Гостиницы, рынки, достопримечательности и транспортные объекты классифицируются по единому справочнику POI. Координаты правонарушений оцениваются по точности и соответствию указанному типу места. Записи, для которых невозможно установить локацию с точностью до улицы, используются только на районном уровне и исключаются из анализа локальных кластеров.

Пространственная концентрация оценивается с помощью глобального и локального индексов Морана, а «горячие точки» — статистики Getis-Ord Gi*. Анализ проводится для соседних ячеек, зон радиусом 250 и 500 м и участков, связанных уличной сетью. Статистическая значимость проверяется посредством 999 случайных перестановок с применением поправки Бенджамини–Хохберга. Кластер признаётся устойчивым, если его тип и направление сохраняются как минимум при двух вариантах пространственного соседства и двух способах временного агрегирования.

Ядерная оценка плотности используется для визуализации, но сама по себе не признаётся доказательством существования кластера. Для точечных данных

применяется неоднородная К-функция Рипли, позволяющая отличить повышенный риск от концентрации событий, обусловленной высокой посещаемостью. При наличии надёжных данных риск рассчитывается как отношение числа преступлений к интенсивности присутствия людей, поэтому карта правонарушений сопоставляется с картой туристической экспозиции.

Для прогнозирования сравниваются регуляризованные регрессионные модели, случайный лес и градиентный бустинг. Они оценивают вероятность либо ожидаемое число событий в территориальной ячейке на следующий период. В качестве факторов используются сведения о предыдущих правонарушениях, индекс туристической экспозиции, тип территории, характеристики уличной сети, расстояние до остановок и станций, сезон, день недели и погодные условия. Во избежание утечки данных учитывается только информация, доступная на момент формирования прогноза.

Картографическая обработка выполняется в QGIS, а автоматизированный анализ — на языке Python с использованием библиотек GeoPandas, PySAL, Scikit-learn и других инструментов пространственной статистики и машинного обучения. Для хранения данных применяется PostgreSQL/PostGIS. Воспроизводимость обеспечивается фиксацией источников, версий программного обеспечения, параметров системы координат, словаря переменных и контрольных сумм исходных файлов.

Точные координаты правонарушений обрабатываются только в защищённой информационной среде, а исследователю предоставляется минимально необходимый объём сведений. В публичном модуле отображаются агрегированные категории риска без точного времени и места отдельных событий. Результаты должны использоваться для адресной профилактики и повышения безопасности туристов, исключая необоснованную стигматизацию махаллей, социальных групп и хозяйствующих субъектов. Правовую основу такого применения составляет Закон Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений»[17].

Результаты

Открытые источники подтверждают сочетание крупного городского масштаба и быстро растущей внешней мобильности. На начало 2026 г. население Ташкента составляло 3,178 млн человек, площадь - 435 км², административная структура - 12 районов [21]. В 2025 г. Узбекистан принял 11,7 млн иностранных туристов против 6,6 млн в 2023 г.; рост составил приблизительно 77,3%. Показатель характеризует страну, а не столицу, поэтому его использование в качестве знаменателя городского риска было отклонено. Тем не менее расширение международного потока усиливает потребность в отдельном учёте туристической экспозиции Ташкента.

Годовой ряд краж демонстрирует отсутствие монотонного тренда. В Ташкенте зарегистрировано 966 краж в 2020 г., 6 538 - в 2021 г., 5 031 - в 2022 г., 4 790 - в 2023 г., 12 287 - в 2024 г. и 7 562 - в 2025 г. [19]. Минимум 2020 г. следует интерпретировать с учётом пандемийных ограничений, изменения мобильности и возможных особенностей регистрации. Резкий рост в 2024 г. также не доказывает ухудшение безопасности туристов: показатель объединяет все виды краж, а на динамику влияют раскрываемость, регистрационная практика и изменения законодательства.

Доля Ташкента в общереспубликанском числе зарегистрированных краж составила 25,4% в 2024 г. (12 287 из 48 375) и 15,4% в 2025 г. (7 562 из 49 213). Снижение доли на 10,0 процентного пункта произошло при росте общереспубликанского числа краж на 1,7%, что указывает на перераспределение зарегистрированной нагрузки между столицей и регионами либо на различия динамики учёта. Без данных по способу совершения нельзя определить, какая часть изменения относится к карманным кражам.

Для мошенничеств доступный официальный ряд опубликован только по стране: 18 492 случая в 2023 г., 29 252 в 2024 г. и 44 127 в 2025 г. [20]. Прирост составил 58,2% в 2024 г. и 50,9% в 2025 г., суммарно 138,6% за два года. Из этого ряда нельзя вывести динамику очного туристического мошенничества в Ташкенте, поскольку он включает дистанционные и иные схемы, а региональная разбивка отсутствует. Этот результат является не отрицательным выводом о гипотезе, а установленным ограничением открытых данных.

Данные OpenStreetMap и официального туристического портала позволяют сформировать типологию объектов, потенциально связанных с туристической активностью: средства размещения, музеи и памятники, рынки и торговые пространства, предприятия питания, парки, пешеходные участки и остановочные узлы [23; 24]. Эти данные достаточны для статического слоя привлекательности и сетевой доступности. Они не дают фактического количества посетителей и потому должны калиброваться по транспортным или посещенческим агрегатам.

Аудит выявил четыре критических дефицита: отсутствие открытых координат и времени преступных событий; отсутствие самостоятельного ряда карманных краж; отсутствие региональной детализации мошенничеств; отсутствие регулярного открытого ряда туристических человеко-часов для Ташкента. Следовательно, на открытых данных возможно достоверно описать фон и построить воспроизводимую экспозиционную поверхность, но невозможно вычислить число устойчивых горячих точек, коэффициент β туристической активности, r -значения, доверительные интервалы и качество прогноза.

Подтверждённый результат открытой части исследования заключается в следующем. Во-первых, Ташкент концентрирует значительную долю зарегистрированных преступлений и краж в стране. Во-вторых, динамика краж в столице и мошенничеств по республике в 2023–2025 гг. была резко изменчивой. В-третьих, национальный туристический поток существенно вырос. В-четвёртых, совпадение этих тенденций не является доказательством причинной связи из-за различия территориальных уровней, состава показателей и отсутствия микроданных. Таким образом, открытые данные подтверждают актуальность задачи и обеспечивают контекст, но не подтверждают его.

Обсуждение

Предлагаемая модель согласуется с исследованием Барселоны, выявившим связь туристических краж с определёнными типами мест и сезонными факторами[10]. Общим является необходимость изучения микросреды преступного события, а не района в целом. Однако Ташкент отличается морфологией центра, структурой транспорта, сочетанием исторических, административных и коммерческих узлов, а также отсутствием открытых событийных данных. Поэтому применительно к столице Узбекистана следует заимствовать не установленный в Барселоне профиль потерпевшего, а принцип учёта пространственного контекста и туристической экспозиции.

Исследования, проведённые в Испании и Хорватии, подтверждают связь туризма с отдельными видами преступлений, но показывают её зависимость от локальных условий и выбранной модели анализа[11; 12]. Простое сопоставление общего туристического потока по Узбекистану с числом краж в Ташкенте способно привести к экологической ошибке: зависимость на агрегированном уровне может отсутствовать в конкретных местах и временных интервалах. Применение пространственно-временной панельной модели и фиксированных эффектов позволяет снизить этот риск.

Международные исследования также указывают на необходимость разграничивать туристический статус потерпевшего, фактическую виктимизацию и вероятность обращения в правоохранительные органы[9; 14]. В Ташкенте гостиницы, транспортные объекты и туристические службы могут облегчать подачу заявления, тогда как самостоятельные путешественники нередко не сообщают о незначительном ущербе. Следовательно, выявленная «горячая точка» может отражать как концентрацию преступлений, так и более высокую доступность их регистрации.

Положительная связь индекса туристической экспозиции (TEI) с карманными кражами может объясняться увеличением числа подходящих целей, анонимностью массового потока и снижением эффективности наблюдения при перегруженности пространства. Вместе с тем наиболее посещаемые места

обычно лучше охраняются и оборудованы камерами. Поэтому зависимость может иметь нелинейный характер: риск возрастает при средней плотности потока, но снижается в наиболее контролируемых узлах. Проверять такую гипотезу следует с помощью нелинейных моделей и анализа взаимодействий, а не простой корреляции.

Очное мошенничество в большей степени зависит от институционального контекста места. Обман при оказании услуг, продаже, обмене или перевозке предполагает более продолжительный контакт, чем тайное изъятие имущества. Объединение мошенничеств и карманных краж в одну категорию может скрыть различия их механизмов и снизить юридическую точность анализа. Поэтому эти преступления необходимо моделировать отдельно.

Результаты ГИС должны использоваться для проблемно-ориентированной профилактики, а не автоматического увеличения числа проверок граждан. Приоритет следует отдавать совершенствованию городской среды, информированию посетителей и доступности помощи. Конкретные меры необходимо определять после обследования каждой устойчивой «горячей точки», поскольку транспортный узел и торговый объект требуют различных решений.

Приоритизация должна учитывать прогнозируемое число событий, интенсивность потока, тяжесть вреда, уязвимость посетителей, стоимость вмешательства и риск ограничения прав. Карта обращений не может быть единственным основанием для усиленного контроля. Каждая рекомендация должна сопровождаться сведениями о периоде наблюдения, качестве координат, статистической неопределённости, результатах ручной проверки, сроке переоценки и ответственном органе.

Целесообразно создать обезличенный межведомственный механизм обмена данными: органы внутренних дел предоставляют агрегированные сведения о преступлениях, транспортные организации — показатели пассажиропотока, органы туризма — данные о размещении и мероприятиях, а хокимият — информацию об объектах и благоустройстве. Единые классификаторы мест и событий следует закрепить регламентом. Точные координаты должны быть доступны только уполномоченным аналитикам, тогда как в публичном модуле могут отображаться обобщённые категории риска и профилактические рекомендации.

К основным ограничениям исследования относятся латентность преступности, различия в вероятности обращения и несовпадение места события, обнаружения ущерба и регистрации заявления. Дополнительной проверке могут способствовать анонимные опросы туристов и сопоставление

полицейских данных с обращениями в гостиницы, страховые и туристические службы при соблюдении правовых и этических требований.

Измерение туристической экспозиции также ограничено: количество объектов интереса не отражает реальную численность посетителей, а полнота открытых картографических данных неодинакова. Мобильные данные точнее характеризуют потоки, но создают риски для конфиденциальности. Поэтому предпочтительны агрегированные транспортные, гостиничные и музейные показатели, исключающие восстановление индивидуальных маршрутов.

Наконец, результаты зависят от размера территориальных ячеек, изменений правил регистрации и особенностей исследуемой части города. Для проверки устойчивости необходимы альтернативные сетки и уличные сегменты, а также документирование изменений информационных систем и консультации с держателями данных. Выводы по центральным районам Ташкента нельзя распространять на периферийные жилые территории без отдельного анализа.

Заключение

Исследование показывает, что оценка влияния туристической активности на географию карманных краж и мошенничеств в Ташкенте требует совместного анализа правонарушений, посещаемости территории, транспортных потоков и характеристик городской среды. Простого сопоставления общего числа туристов и зарегистрированных преступлений для установления такой связи недостаточно.

Открытые статистические данные подтверждают актуальность проблемы. В 2024 году в Ташкенте было зарегистрировано 12 287 краж, что на 156,5% превышало показатель 2023 года. В 2025 году их количество снизилось до 7 562. Одновременно число иностранных посетителей Узбекистана увеличилось с 6,6 млн в 2023 году до 11,7 млн в 2025 году. Однако эти показатели относятся к разным территориальным уровням: сведения о кражах характеризуют Ташкент в целом, а туристическая статистика — всю республику. Поэтому совпадение динамики нельзя считать доказательством того, что рост туристического потока стал причиной изменения числа правонарушений.

Главный научный результат работы заключается в разработке методики, позволяющей проверить такую связь после получения обезличенных событийных данных. Методика предусматривает отдельное изучение карманных краж и очных мошенничеств, анализ небольших территориальных ячеек и уличных участков, учёт времени совершения событий и фактической посещаемости территории. Это позволяет отличать места с действительно повышенным риском от участков, где большое число происшествий объясняется прежде всего высокой концентрацией людей.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использовать предложенную методику при создании городской ГИС профилактики правонарушений. Система позволит определять не только предполагаемые зоны риска, но и конкретные временные интервалы, типы мест и факторы городской среды, связанные с концентрацией событий. На этой основе органы правопорядка смогут выбирать адресные меры: улучшать информирование посетителей, корректировать организацию пространства, повышать доступность помощи и рационально распределять профилактические ресурсы.

Таким образом, предлагаемая ГИС должна быть не картой зарегистрированных происшествий, а комплексной системой оценки риска и поддержки профилактических решений. Её применение должно основываться на проверяемых данных, регулярном контроле качества моделей, защите персональной информации и обязательной экспертной оценке результатов. Такой подход позволит повысить безопасность туристов и жителей Ташкента, не допуская необоснованной стигматизации отдельных махаллей, объектов или социальных групп.

Список литературы

1. Cohen L. E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. Vol. 44, no. 4. P. 588–608. DOI: 10.2307/2094589.
2. Brantingham P. J., Brantingham P. L. Environmental Criminology. Beverly Hills: Sage Publications, 1981. 266 p.
3. Brantingham P., Brantingham P. Criminality of Place: Crime Generators and Crime Attractors // European Journal on Criminal Policy and Research. 1995. Vol. 3. P. 5–26. DOI: 10.1007/BF02242925.
4. Sherman L. W., Gartin P. R., Buerger M. E. Hot Spots of Predatory Crime: Routine Activities and the Criminology of Place // Criminology. 1989. Vol. 27, no. 1. P. 27–56.
5. Chainey S., Ratcliffe J. GIS and Crime Mapping. Chichester: John Wiley & Sons, 2005. 442 p.
6. Eck J. E., Chainey S., Cameron J. G., Leitner M., Wilson R. E. Mapping Crime: Understanding Hot Spots. Washington, DC: National Institute of Justice, 2005. 79 p.
7. Andresen M. A. Environmental Criminology: Evolution, Theory, and Practice. 2nd ed. New York: Routledge, 2020. 334 p.
8. Braga A. A., Turchan B., Papachristos A. V., Hureau D. M. Hot Spots Policing of Small Geographic Areas Effects on Crime // Campbell Systematic Reviews. 2019. Vol. 15, no. 3. Art. e1046. DOI: 10.1002/cl2.1046.

9. Mataković H., Cunjak Mataković I. The Impact of Crime on Security in Tourism // Security and Defence Quarterly. 2019. Vol. 27, no. 5. P. 1–20. DOI: 10.35467/sdq/115539.
10. Marteache N., Trinidad A. Theft Victimization in Urban Settings: Comparison of Tourist and Resident Case Profiles // Crime & Delinquency. 2024. Vol. 70, no. 11. P. 3102–3126. DOI: 10.1177/00111287231163100.
11. Montolio D., Planells-Struse S. Does Tourism Boost Criminal Activity? Evidence from a Top Touristic Country // Crime & Delinquency. 2016. Vol. 62, no. 12. P. 1597–1623. DOI: 10.1177/0011128713505489.
12. Recher V., Rubil I. More Tourism, More Crime: Evidence from Croatia // Social Indicators Research. 2020. Vol. 147, no. 2. P. 651–675. DOI: 10.1007/s11205-019-02160-6.
13. de Melo S. N., Pereira D. V. S., Andresen M. A., Fonseca Matias L. Spatial/Temporal Variations of Crime: A Routine Activity Theory Perspective // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2018. Vol. 62, no. 7. P. 1967–1991. DOI: 10.1177/0306624X17703654.
14. Buil-Gil D., Moretti A., Langton S. H. The Accuracy of Crime Statistics: Assessing the Impact of Police Data Bias on Geographic Crime Analysis // Journal of Experimental Criminology. 2022. Vol. 18. P. 515–541. DOI: 10.1007/s11292-021-09457-y.
15. Нематов Ж. Анализ преступности в Республике Узбекистан на основе открытых статистических данных: необходимость совершенствования мер предупреждения // Общество и инновации. 2026. Т. 7, № 1. С. 181–185. DOI: 10.47689/2181-1415-vol7-iss1-pp181-185.
16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (ст. 168, 169; действующая редакция) // LexUZ. URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 01.09.2026).
17. О профилактике правонарушений: Закон Республики Узбекистан от 14.05.2014 № ЗРУ-371 // LexUZ. URL: <https://lex.uz/docs/2387359> (дата обращения: 01.09.2026).
18. Правонарушения в Республике Узбекистан за январь-март 2025 года: доклад // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2025. URL: <https://stat.uz/files/537/choraklik-natijalar-2025-yanvar-martru/3908/19-.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).
19. Количество зарегистрированных краж: официальный набор данных, индикатор 2.04.09.0021 // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_888.json (дата обращения: 01.09.2026).

20. Количество зарегистрированных мошенничеств: официальный набор данных, индикатор 2.04.09.0041 // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_901.json (дата обращения: 01.09.2026).

21. Ташкент: общая информация // Официальный интерактивный портал хокимията города Ташкента. URL: <https://tashkent.uz/ru/city> (дата обращения: 01.09.2026).

22. 7.7 Million Tourists and \$3.9 Billion in Tourism Services Exports: Uzbekistan's Tourism Sector Continues to Grow // Tourism Committee of the Republic of Uzbekistan. 12.08.2026. URL: <https://gov.uz/en/uzbektourism/news/view/204966> (дата обращения: 01.09.2026).

23. Download OpenStreetMap Data for Uzbekistan // Geofabrik GmbH. URL: <https://download.geofabrik.de/asia/uzbekistan.html> (дата обращения: 01.09.2026).

24. Tashkent // National Information Center for Tourism "Uzbekistan Travel". URL: <https://uzbekistan.travel/en/i/tashkent/> (дата обращения: 01.09.2026).